

ФОРМИРОВАНИЕ СТЕПНОГО ФРОНТИРА СЕВЕРНОГО ПРИЧЕРНОМОРЬЯ И ПОЯВЛЕНИЕ ЧЕРНОМОРСКОГО КАЗАЧЬЕГО ВОЙСКА КАК НАСЛЕДНИКА ЗАПОРОЖСКОЙ СЕЧИ

Беата Варга

доктор исторических наук, доцент, кафедра новой всемирной истории,
Сегедский университет- Szeged Egyetem u. 2. 6722 varga.bea@hist.u-szeged.hu, ORCID
<https://orcid.org/0000-0001-7244-0783>

В статье рассмотрены вопросы, в какой степени регион Северного Причерноморья можно считать классическим фронтиром, насколько Черноморское войско может считаться преемником Запорожской Сечи и какими причинами можно объяснить появление Черноморского войска. Сделан вывод, что степной фронтир Северного Причерноморья имел ряд особенностей, которые противоречат примеру классического фронтира, где появление политической власти предшествует прибытию поселенцев, а область оставалась в пределах феодальной рамки и со временем утратила свою ограниченную автономию. В этом регионе массовому переселению людей на южную территорию, где существовала особая система сторожевой и станичной службы, способствовала государственная политика; и на новых местах практически не было местного оседлого населения. Запорожская Сечь в 1775 г. прекратила своё существование, но позже возродила его историческое наследие в форме Черноморского войска. Черноморские казаки перенесли с собой на новое местожительство элементы самоуправления, практиковавшиеся в бывшей Запорожской Сечи. Давая черноморской старшине некоторую самостоятельность в вопросах внутреннего устройства, царское правительство вводило ограничения в области казачьего самоуправления. Черноморское войско на южной границе Российской империи было учреждено по соображениям государственной безопасности. Необходимость снова организовать казачье войско из разрозненных и рассеянных запорожцев была вызвана, прежде всего, очередной войной с Османской империей. Государственная власть смотрела на Черноморское войско как на необходимое зло, которое она терпела ради колонизации и защиты южной границы.

Ключевые слова: Запорожская Сечь, Черноморское казачье войско, «Порядок общей пользы», степной фронтир, казацкая автономия.

CAUSESE AND CIRCUMSTANCES OF THE APPEARANCE OF THE BLAC SEA COSSACSKS

Beata Varga

PhD, Habil, Associate Professor, Department of Modern World History
University of Szeged – Szeged Egyetem u. 2. 6722 varga.bea@hist.u-szeged.hu ORCID
<https://orcid.org/0000-0001-7244-0783>

The article addresses the issues to what extent the region of the Northern Black Sea Region can be considered a classic frontier; how much the Black Sea Cossack Host can be considered the successor of the Zaporizhzhya Sich and what reasons can explain the appearance of the Black Sea army. It is concluded that the steppe frontier of the Northern Black Sea Region had a number of features that contradict the example of the classic frontier, where the emergence of political power was preceded by the arrival of settlers, and the region remained within the feudal framework and eventually lost its limited autonomy. In this region, the mass migration of people to the southern territory, where there was a special system of sentry and village service, was promoted by state policy; and in new places there was practically no local settled population. The establishment of the Black Sea Cossack Host on the southern border of the Russian

Empire was necessary for the state. The need to again re-organize the Cossack army from the scattered Zaporozhian Cossacks was caused primarily by the 2nd Russo-Turkish War (1787–1792) during the reign of Catherine II. However, this military formation by the Russian government was perceived as not quite a normal phenomenon, but which it tolerated because of the need to defend the southern borders and because of the military campaigns in the southern direction. The Zaporozhian Sich ceased to exist in 1775, but later revived its historical heritage in the form of the Black Sea Cossack Host. The Black Sea Cossacks brought with them to their new residence - in the regions north of the Kuban River - the elements of self-government practiced in the former Zaporozhian Sich. The former Zaporozhian Cossacks transferred the traditions of Zaporozhia to new places of settlement. As a rule, these power orders limited “Cossack democracy” and put the entire Cossack structure within the framework of the Russian state system.

Keywords: Zaporozhian Sich; the Black Sea Cossacks, “Common Benefit Order”, steppe frontier, Cossack autonomy.

В отличие от Западной Европы, огромные незаселённые просторы российского – и польско-литовского – государства с конца XV в. стали местом ухода на окраины стремящемуся к вольной жизни населению (Avramenko 2009, 55). Вдоль рек на степной границе (Днепр, Дон, Волга, Терек, Яик) формировались пограничные сообщества вольных казаков, которые создали военную демократию. В статье будут рассмотрены следующие вопросы: во первых, черноморские казаки соответствовали ли в некотором отношении идеалу мобильного равноправного пограничного сообщества фронтального типа, и в какой степени регион Северного Причерноморья можно считать классическим фронтиром; во вторых, насколько Черноморское войско может считаться преемником Запорожской Сечи; и в третьих, какими причинами можно объяснить появление Черноморского войска.

Понятие «фронтир» ввёл в научный оборот Ф. Д. Тёрнер, который выработал обобщённый взгляд на фронтир как особый тип развития национального опыта США, в рамках которого происходило «восходящее движение в виде сплошной линии и возврат к примитивным условиям жизни на непрерывно продвигающейся вперед передовой черте поселения» (Turner 2009, 14). Интерпретация фронта Тёрнером отличается от понятия государственной границы с той точки зрения, что фронтир означает динамическую переходную зону, которую не интегрировали ни в одном из государственных образований. Возможно ли сравнение американского фронта с подобными феноменами в Восточной Европе, например, с границей между Россией, Польшей и Османской империей? Некоторые американские исследователи используют термин «фронтир» при изучении истории Юга России (Khodarkovsky 2002, Shaw 1983). М. Ходарковский русский степной фронтир XVI–XVII вв. определял как недемаркированную пограничную зону, которая сохраняла многослойные – политические, военные, административные и религиозные – типы границ (Khodarkovsky 2002, 48–50). Применительно к Черному морю, термин «фронтир» в российской (Zhukov Kanishchev-Lyamin 2015, Mizits-Kashchenko 2011) и украинской историографии (Brekhunenko 2011, Gribovskiy 2005, Gribovskiy 2012, Lep'yavko 2005, Chornovol 2015) стал использоваться сравнительно недавно. Рассматривая историю заселения Северного Причерноморья с точки зрения фронта, исследователи отмечают, что фронтальная территория примыкала к границе государства и отличалась от остальной территории данного государства (Парков 2017, 178). Они подчеркивают вольно-народный, добровольно перетекающий на окраины элемент южного фронта (Zubkov 2018, 69). Южный степной фронтир представлял собой только медленно продвигающуюся военную границу, имевшую военно-политические, географические (между лесом и степью) и социально-экономические (между оседлым и кочевым образом жизни и формами хозяйства) линии соприкосновения (Karpelev 2003, 49).

Во второй половине XVIII в. Россия отодвинула свои южные границы к Черному морю за счет Османской империи. В восточной степи автономия была главной движущей силой. Начало переселения крепостных в степной приграничный регион предшествовало изгнанию турок и татар из Северного Причерноморья, то есть захвату степи силой оружия в XVIII в. Это противоречит примеру классического фронта, где появление политической власти предшествует прибытию поселенцев, а область оставалась в пределах феодальной рамки и со временем утратила свою ограниченную автономию (Karácsonyi 2008, 190). А к концу XVIII в. южный степной фронтир России становится не столько периферией,

сколько внутренней структурой степного общества, развитием которого руководствовалась властью.

На протяжении XVI–XVIII вв. в силу разных обстоятельств Запорожская Сечь меняла месторасположение, но не меняла своего устройства. Пётр I в 1709 году приказал уничтожить Запорожскую Сечь, но позже запорожцы вернулись в Россию и на территории нынешней Днепропетровской области Украины основали Новую Сечь, где они продолжали жить по старым обычаям. Но в самом Запорожском войске уже не было былого единства. С XVIII в. войско запорожцев играло важную роль во взаимоотношениях России с другими государствами. В этом столетии Запорожская Сечь, хотя и признавала верховную власть русского царя, но имела довольно обособленное устройство и жила особой политической жизнью. Царское правительство использовало запорожцев в войнах с Турцией, что и позволило казакам сохранять свою относительную независимость.

Концу Запорожской Сечи способствовало, с одной стороны, желание правительства заполучить для сельского хозяйства чернозем на принадлежавших запорожцам обширных территориях (Markevich 1893, 8–9). С другой стороны, в основе действий царского правительства относительно запорожцев лежало недоверие к запорожцам за участие в измене Мазепы (Chukhlib 2009, 477–478) и намерение Москвы заселить степные территории и построить там укрепления, и таким образом приблизиться к берегам Чёрного моря. Кроме этого русское правительство больше не желало мириться с существованием на южных границах казачьей вольницы. Просвещённый абсолютизм, приверженцем которого была Екатерина II, подразумевал централистическое и бюрократическое устройство государства. А существовавшая на украинских землях «тень политических прав» должна была быть уничтожена. (Shevchuk-Taranenko 1999, 137–138) С заключением Кючук-Кайнарджийского договора в 1774 г. Россия получила выход к Чёрному морю и Крыму, в результате чего отпала необходимость в сохранении присутствия казаков на их исторической родине для охраны южных российских границ. 5 июня 1775 г. Запорожская Сечь была уничтожена (Skalkovskiy 1994, 550), и 3 августа Екатерина II издала манифест, в котором провозгласила, что «Сечь Запорожская вконец уже разрушена с истреблением на будущее время и самого названия Запорожских казаков...» (Rigelman 1847, 31–33). Когда русские войска окружили Сечь и предлагали казакам разойтись, среди них многие были склонны оказать вооружённое сопротивление. Однако большинство запорожцев во главе с кошевым атаманом покорились силе (Khoroshikhin 1881, 29–30). Запорожцам, которые остались на территории России, предложили или превратиться в мирных обывателей Новороссии, или поступить на царскую службу, на что многие из казаков согласились. После разрушения Запорожской Сечи этот край окончательно примкнул к Российской империи, и здесь начали вводить общерусские порядки: земли бывшей Запорожской Сечи вошли в состав Новороссийской и Азовской губерний, объединённых в Екатеринославское наместничество (Golobutskiy 1957, 422). Часть запорожцев, которые отказались покориться имперской агрессии, ушли в Османскую империю, где основали Задунайскую Сечь.

Запорожская Сечь прекратила своё существование, но позже возродила его историческое наследие в форме Черноморского войска, возникновение которого было связано с деятельностью Г. А. Потёмкина-Таврического. Потёмкин хотел быстро покончить с запорожцами, но в то же время имел амбициозный план через степи и моря добраться до Константинополя. Поэтому спустя семь лет после разрушения Запорожской Сечи, он через посредство старшин стал вновь приглашать бывших запорожцев на службу под своим личным предводительством. Обезжая подвластные земли, малороссийский губернатор замечал, что многие участки границы России с Турцией, Крымом и Польшей слабо укреплены, и тогда по его совету 1 июля 1783 г. вышла следующая прокламация: «...кои в бывшем войске Запорожском служили ... приглашать из них охотников к служению в казачьем звании...» (Skalkovskiy 1994, 573).

Бывшие запорожцы много раз обращались к центральной власти с просьбой об определении места для совместного проживания, несколько раз отправляли делегации в Санкт-Петербург. В 1784 г. собралось 5300 человек «самого отличного воинства», которые изъявляли желание быть принятыми на службу (Короленко 1896, 15) Таким образом часть рассеянных запорожцев были собраны в одно «войско», которое возглавил атаман Сидор Белый. Этому «Кошу верных казаков» была передана часть регалий Запорожской

Сечи – знамена, булава кошевого и перначи. Очевидно, что возрождение Запорожского войска было вызвано необходимостью обезопасить южную границу, которая в результате ликвидации Крымского ханства в 1783 г. стала проходить по р. Кубань. Геополитические интересы Российского государства и его борьба с запорожской вольницей стали закономерными обстоятельствами для использования «коша верных казаков» (в последующем черноморских казаков) для охраны южных границ России.

Интерес, проявленный к бывшим запорожцам, вселил в них надежду на восстановление Запорожской Сечи, только нужен был удобный момент для обращения с просьбой к императрице. Накануне второй русско-турецкой войны Екатерина II решила осмотреть недавно присоединённые к России земли на южных землях. В эпоху Просвещения путешествия монархов стали неотъемлемой частью политической жизни Европы. Одним из наиболее известных вояжей является поездка Екатерины II по Таврическому полуострову в 1787 году. Внешнеполитическая причина поездки была связана с надвигающейся войной с Османской империей, поэтому для императрицы были важны как невмешательство европейских держав в ее политику в Причерноморье, так и поиск союзников. Кроме этого, путешествие Екатерины II по Крыму должно было продемонстрировать Западной Европе военно-политическую мощь Российской империи (Shamanaev 2014, 80). В поездку Екатерина отправилась в сопровождении большой свиты, а в Киеве к ним присоединились австрийский император Иосиф II, польский король Станислав-Август и князь Г. А. Потёмкин (Brikner 1885, 205–256). Во время путешествия к императрице обратилась с просьбой депутация запорожских старшин, предложение которых было встречено с пониманием. Г. А. Потёмкин поручил Сидору Белому и Антону Головатому начать набор в войско из бывших запорожцев. Указом Екатерины II было предписано учредить «Войско верных казаков Запорожских», но Потёмкин стал называть бывших запорожцев «Войском верных казаков Черноморских», а впоследствии просто – казаками Черноморского войска. По Ясскому миру 1791 г. Россия достигла в Черномории природных границ, и южные степи стали прочным достоянием государства. Начавшаяся война с Турцией показала, насколько России нужны были казачьи отряды. На самом деле, Черноморское казачье войско было сформировано в ходе русско-турецкой войны 1787–1791 гг. из бывших казаков Запорожской Сечи, а потом царское правительство разрешило набирать добровольцев из свободных людей. По образцу Запорожской Сечи оно состояло из трех подразделений – пехотного, конного и флотилии. Возглавлял его кошевой атаман, а в остальном структура войска повторяла Запорожскую Сечь (Dmitrenko 1896, 6). В 1790 г. Черноморскому войску была отведена земля между реками Днестром и Бугом, где административным центром стало селение Слободзе (Shcherbina 1884, 223–246). Казаки получали привилегии на пользование рыбными промыслами, добычу соли, занятие хлебопашеством и скотоводством (GAKK, F. 670, 82). Однако у войска не было надлежащей опоры для самостоятельного существования своей собственной земли. Первоначально административное устройство Черноморского войска не имело правового выражения в российском законодательстве. Но результатом хлопот черноморцев и в благодарность за боевые заслуги в русско-турецкой войне 1787–1791 гг. стали две императорские грамоты от 30 июня (PSZRI, 342–343) и 1 июля 1792 года (PSZRI, 346). Эти документы создали фундамент для общинного самоуправления черноморских казаков (Shcherbina, 1888, 55), оформили организацию и управление Черноморского войска. Первая из этих грамот постановляла, что за службу в русско-турецкой войне и верность российскому правительству Черноморское войско представляет собой коллективное юридическое лицо: войску положено было определённое жалованье, пожалованы войсковое знамя и литавры, а также подтверждено использование и других регалий бывшей Запорожской Сечи. В административном отношении войско подчинялось таврическому губернатору, но имело своё «войсковое начальство», состоявшее из войскового атамана, судьи и писаря (PSZRI, 342). Задачей Черноморского войска были «бдение и стража пограничная оть набегов народов Закубанских» (PSZRI, 343). Вторая грамота определяла принципы переселения казаков из-за Буга на Кубань и о пожаловании старшинам патентов на офицерские чины: «Губернатору Таврическому иметь попечение об отыскании и доставлении старшинам и козакам войска Черноморского справедливо и законно принадлежавшего им имения, буде где оно в прежних их жилищах задержано...» (PSZRI, 346).

В 1793 г. черноморцы получили приказ переселиться из-за Буга на Таманский (Vseroddanneyshaya prosba 1882, 332–334) и Фанагорийский полуостров, где заложил военный город Екатеринодар. Здесь сосредоточилось главное войсковое начальство, а остальное казачество было расселено по территории Черноморского войска. Две поселенные формы – курень и хутор, легли в основу колонизации бывшей Черномории. Это были поселения чисто казачьи, до известной степени военные, но приспособленные к гражданским и хозяйственным целям в духе малорусских порядков и обычаев (Shcherbina 1883, 530). С переселением Черноморского войска на Кубань перешло с ним старинное сечевое устройство – кош и курени. На новом месте черноморским казакам помогла привычка к самоуправлению (Shcherbina 1884, 225). При устройстве черноморцы своих первых поселений придерживались того, что выработала в этом отношении раньше Запорожская Сечь, но с учетом новых обстоятельств. В Черномории не было ни господствовавшего «товарищества», ни зависимого подданства, а было лишь однообразное семейное казачество, в состав которого входили и бессемейные казаки, «голытьба». Имперские грамоты показали, что царское правительство на самом деле не планировало восстановление такого самоуправления, которое существовало в Запорожской Сечи (Kunin 1998). Но в то же время, отсутствие указания на порядок замещения должностей и характер местной администрации разрешало некоторые формы демократии.

В 1794 г. черноморская казацкая старшина (Кошевой атаман Захарий Чепега, войсковой судья Антон Головатый и писарь Терентий Котляревский) разработала «Порядок общей пользы» (ГАКК, Ф. 249, 1–8), регламентирующий административно-территориальное устройство, управление и правила несения службы в Черноморском казачьем войске конца XVIII в. Первой статьей «Порядка» в Черноморском войске учреждалось войсковое правительство, «управляющее Войском на точном и непоколебимом основании всероссийских законов». В его состав входили кошевой атаман, войсковой судья и войсковой писарь (ГАКК Ф. 249, ор. 1. Д. 294, 56). Третья статья «Порядка» предписывала «ради собрания войска... и прибежища бездомных казаков» выстроить в Екатеринодаре сорок куреней. Седьмая статья «Порядка» всю войсковую землю разделяла на пять округов со следующими окружными правлениями во главе: Екатеринодарским, Фанагорийским, Бейсугским, Ейским, Григорьевским. В восьмой статье инструкции просилось следующее: «Порядок учреждения сего Войска по роду службы, на каком положении ему быть» (ГАКК Ф. 249, ор. 1. Д. 338, 3).

«Порядок общей пользы» во многом отвечал интересам черноморской старшины, закрепляя её имущественное и правовое превосходство над массой рядового казачества, сосредоточивая в ее руках экономическую и политическую власти. Этот документ является примером регламентации казачьего самоуправления и так называемой «Конституции казаков». Сравнивая эти порядки с тем, чем пользовалась в этом отношении Запорожская Сечь, нельзя конечно не заметить, что права казачества были значительно ограничены. В Запорожье широко практиковалось выборное начало, в то же время в Черномории то право было оставлено только для отдельных единиц – куреней. Но вместе с этим за казачеством были оставлены право войсковой собственности и куренное самоуправление. Таким образом, в Черномории в первый раз ясно обозначилось неравенство автономных функций казачества, благодаря которому одна часть этих функций перешла к центральному правительству, а другая – осталась за войском в форме специальных его прав. Административно-территориальное образование черноморского казачества представляло собой синтез общероссийского начала, основанного на императорской власти, и «казачьего самоуправления», практиковавшегося в Запорожском войске. «Порядок общей пользы», с одной стороны – узаконил уже сложившиеся в Черноморском казачьем войске отношения, а с другой – упорядочил их и привел в соответствие с российским законодательством. «Сечевое устройство» черноморского казачества существовало без изменений только до конца XVIII в., после чего произошли важные изменения в определении лиц на должность войскового атамана. Первые три кошевые атамана – Белый, Чепега и Головатый – были ещё избраны казачеством по старинному обычаю на войсковой раде и только утверждены царским правительством. После смерти Захария Чепеги казаки по своему старинному обычаю на общинной раде провозгласили своим головой А. Головатого. Но Головатый умер в Персидском походе, так и не узнав о своем назначении. На эту должность указом

царя от 27 июня 1797 г. был назначен подполковник Т. Т. Котляревский (Sushchinskiy 1998, 657), который стал первым атаманом Черноморского войска, назначенный императором, а не избранный в среде товарищества. До 1855 года войсковые атаманы назначались правительством из среды казаков, а впоследствии назначение их начало производиться и из лиц неказачьего происхождения.

Рассмотрев вопрос, касающийся самоуправления Черноморского войска в конце XVIII века, отмечаем, что многие элементы демократического уклада жизни, заложенные еще в период существования Запорожской Сечи, были сохранены на Кубани. Это подтверждается фактом выборности станичного правительства из казачьей среды путем открытого общинного голосования; деятельностью сбора, где населением решались важнейшие вопросы жизни станиц и существованием дарованных черноморцам прав и привилегий на землю.

В итоге можно указать, что степной фронтир Северного Причерноморья имел ряд особенностей: во первых, массовому переселению людей на южную территорию, где существовала особая система сторожевой и станичной службы, способствовала государственная политика; а во-вторых, на новых местах практически не было местного оседлого населения (Рарков 2017, 179).

Учреждение Черноморского войска на южной границе Российской империи было государственной потребностью, однако это вооруженное формирование имперская власть терпела из-за необходимости обороны южных границ и для военных кампаний на южном направлении. Необходимость снова организовать казачье войско из разрозненных и рассеянных запорожцев была вызвана, прежде всего, очередной войной с Османской империей.

Черноморцы перенесли с собой на новое местожительство элементы самоуправления, практиковавшиеся в бывшей Запорожской Сечи. Спецификой казачьего самоуправления было полувоенное состояние, которое сказывалось в названиях местных структур власти, в направлениях и регламенте их деятельности, в положении граждан-казаков и неказаков. Нижнюю часть Прикубанья и степное пространство до р. Ея в 1792–1794 гг. заселили черноморские казаки, перенёвшие сюда традиции Запорожья. В течение XVIII–XIX вв. правительственными указами регламентировалась степень самостоятельности войсковых атаманов, полномочия войсковых кругов (рад) в Черноморском казачьем войске. Эти властные распоряжения ограничивали «казачью демократию» и ставили всю казачью структуру в рамки российской государственной системы. В начале 1794 г. документ, получивший название «Порядок общей пользы», вводил ограничения в области казачьего самоуправления на Кубани и полностью соответствовал интересам правительства. Давая черноморской старшине некоторую самостоятельность в вопросах внутреннего устройства, царское правительство вводило ограничения в область казачьего самоуправления.

ЛИТЕРАТУРА/REFERENCES

Avramenko, A. 2009. Diskussionnye voprosy istorii kazachesta v svete istoricheskoy geografii. [The debated questions of the history of the Cossacks in the light of historical geography]. *Istoriko-geografichni doslidzhennya v Ukraini*. issue 11, s. 52–93. (In Ukrainian).

Авраменко, А. 2009. Дискуссионные вопросы истории казачества в свете исторической географии. *Історико-географічні дослідження в Україні*, вип. 11, с. 52–93.

Brekhunenko, V. 2011. Kozaky na stepovomu kordonі Evropy` [Cossacks on the steppe border of Europe]. Kiyiv, Insty`tut ukrayins`koyi arheografii ta dzhereloznavstva im. M. S. Grushevs`kogo, 505 s. (In Ukrainian).

Брехуненко, В. 2011. Козаки на Степовому Кордоні Європи. Київ, Інститут української археографії та джерелознавства ім. М. С. Грушевського, 505 с.

Brikner, A. G. 1885. Puteshestvie Yekateriny II v Krym [The Journey of Catherine II to the Crimea]. *Istoricheskiy vestnik* . Vol. 22, s. 205–256. (In Russian).

Брикнер, А. Г. 1885. Путешествие Екатерины II в Крым. *Исторический вестник*. Т. 22, с. 205–256.

Chukhlib, T. 2009. Kozaky` i Monarxy` – Mizhnarodni vidnosy`ny` rann`omodernoyi Ukrayins`koyi derzhavy` 1648–1721 rr. [The Cossacks and the Monarchs – The Foreign relations of the Early Modern Ukrainian state 1648–1721] Kiyiv, Vid-vo im. Oleni Teligi, 616 s. (In Ukrainian).

Чухліб, Т. 2009. Козаки і Монархи – Міжнародні відносини ранньомодерної Української держави 1648–1721pp. Київ, Вид-во ім. Олени Теліги, 616 с.

Chornovol, I. 2015. Komparatyvni fronty'ry': svitovy'j i vitchyznnyj vy'mir [Comparative frontiers: world and national dimensions] Kiyiv, Kritika, 376 s. (In Ukrainian).

Чорновол, І. 2015. Компаративні фронтіри: світовий і вітчизняний вимір. Київ, Критика, 376 с.

Dmitrenko, I. I. 1896. Sbornik istoricheskikh materialov po istorii Kubanskogo kazachego voyska [Collection of historical materials on the history of the Kuban Cossack Army] T. 1. Kubanskiy kray. Kavkazskaya liniya. Chernomorskoe voysko kazache. Khoperskie kazaki: 1737–1801 gg. SPb, tip. Shtaba Otd. Korpusa Zhandarmov, 1896, t. 3. (In Ukrainian).

Дмитренко, І. І. 1896. Сборник исторических материалов по истории Кубанского казачьего войска: т. 1. Кубанский край. Кавказская линия. Черноморское войско казачье. Хоперские казаки: 1737–1801 гг. СПб, тип. Штаба Отд. Корпуса Жандармов, 1896, т. 3.

Frolov, B. Ye. «Porjadok obshchey polzy»: opyt istoricheskogo kommentariya [The order of the common good]: the conclusions of a historical commentary]. URL: http://www.cossackdom.com/articles/f/frolov_porjadok.htm 2013.10.02. (In Ukrainian).

Фролов, Б. Е. «Порядок общей пользы»: опыт исторического комментария. URL: http://www.cossackdom.com/articles/f/frolov_porjadok.htm 2013.10.02.

GAKK – Gosudarstvennyy arkhiv Krasnodarskogo kraja [State Archive of the Krasnodar Territory] F. 670. Kolleksiya dokumentov po istorii Kubanskogo kazachego voyska [Collection of documents on the history of the Kuban Cossack Army], op. 1. D. 17.

ГАКК – Государственный архив Краснодарского края, Ф. 670. Коллекция документов по истории Кубанского казачьего войска, оп. 1, д. 17.

GAKK – Gosudarstvennyy arkhiv Krasnodarskogo kraja [State Archive of the Krasnodar Territory] F. 249. Kantselyariya nakaznogo atamana Kubanskogo kazachego voyska [Office of the Ataman of the Kuban Cossack Army], op. 1. D. 2830. (In Ukrainian).

ГАКК – Государственный архив Краснодарского края, Ф. 249. Канцелярия наказного атамана Кубанского казачьего войска Оп. 1. Д. 2830.

Golobutskiy, V. A. 1957. Zaporozhskoe kozachestvo. [The Zaporozhian Cossacks]. Kiev, Gosudarstvennoe izdatelstvo politicheskoy literatury USSR, 422 s (In Ukrainian).

Голобуцкий, В. А. 1957. Запорожское козачество. Киев, Государственное издательство политической литературы УССР, 422 с.

Gribovskiy, V. V. 2005. Zaporozhci i nogajci v konteksti Vely'kogo Kordonu. [Zaporozhian Cossacks and Nogais in the context of the Great Border.] *Kozatska spadshchina. Almanakh Nikopolskogo regionalnogo viddilennya Naukovo-doslidnogo institutu kozatstva Institutu istorii Ukraïni NAN Ukraïni*. issue 1. Nikolop-Zaporizhzhya, RA “Tandem-U”, s. 95–131. (In Ukrainian).

Грибовський, В. В. 2005. Запорожці і ногайці в контексті Великого Кордону. *Козацька спадщина. Альманах Нікопольського регіонального відділення Науково-дослідного інституту козацтва Інституту історії України НАН України*. Нікополь–Запоріжжя, РА “Тандем-У”, Вип. 1, с. 95–131.

Gribovskiy, V. V. 2012. Ponyattya “fronty'r” i “azijs'ky' kordon” yak instrumenty' doslidzhennya ukrayins'kogo stepovogo porubizhzhya XVI–XVIII st. [The concept of „frontier“ and „Asian border“ as tools for the study of the Ukrainian steppe border of the sixteenth and eighteenth centuries.] *Naukovi zapys'ky' . Zbirny'k prac' molody'x vcheny'x ta aspirantiv*. Kiyiv, Insty'tut ukrayins'koyi arheografiyi ta dzhereloznavstva im. M. Grushevs'kogo NAN Ukrainy', Vol. 25. s. 109–136. (In Ukrainian).

Грибовський, В. В. Поняття “фронтір” і “азійський кордон” як інструменти дослідження українського степового порубіжжя XVI–XVIII ст. Наукові записки. Збірник праць молодих вчених та аспірантів. Київ, Інститут української археографії та джерелознавства ім. М. Грушевського НАН України, т. 25, с. 109–136.

Kappeler, A. 2003. Yuzhnyy i vostochnyy Frontir Rosii v XVI-XVII vekakh [Southern and Eastern Frontier of Russia in the XVI-XVII centuries]. *Ab Imperio*, issue 1, s. 49. (In Russian).

Каппелер, А. 2003. Южный и восточный фронтір Росии в XVI–XVII веках. *Ab Imperio* Вип. 1, с. 49.

Karácsonyi, D. A kelet-európai sztyep és a magyar Alföld mint frontier-területek. *Földrajzi Értesítőq* 2008, LVII, issue No. 1–2, s. 185–211.

Khodarkovsky, M. 2002. Russia's Steppe Frontier: The Making of a Colonial Empire, 1500–1800. Bloomington, Indianapolis: Indiana University Press, 304 p.

Khoroshikhin, M. 1881. Kazachi voyska: Opyt voenno-statisticheskogo opisaniya» [Cossack troops: The conclusions of a military-statistical description]. SPb, Tip. A. S. Suvorina, s. 29–30. (In Russian).

Хорошихин, М. Казачьи войска: Опыт военно-статистического описания. СПб, Тип. А. С. Суворина, 1881, с. 29–30.

Korolenko, P. P. 1896. Dvukhsotletie Kubanskogo kazachego voyska 1696-1896. Bicentennial of the Kuban Cossack Army 1696–1896). Yekaterinodar, Tip. Kuban. obl. pravl., s. 15. (In Russian),

Короленко, П. П. 1896. Двухсотлетие Кубанского казачьего войска 1696–1896. Екатеринодар, Тип. Кубан. обл. правл., с. 15.

Kunin, Yu. 1998. Sotsiokulturnoe znachenie Chernomorskoj kordonnoj linii v razvitii Kubanskogo kazachego kraja, konets XVIII – vtoraya polovina XIX vek. [Sociocultural significance of the Black Sea cordon line in the development of the Kuban Cossack Territory, in the late 18th - second half of the 19th century]. Avtoreferat dissertatsii, Krasnodar, 1998. URL: <http://cheloveknauka.com/sotsiokulturnoe-znachenie-chernomorskoj-kordonnoj-linii-v-razvitii-kubanskogo-kazachego-kraja-konets-viii-vtoraya-polovi>. (In Ukrainian).

Кунин, Ю. Ю. 1998. Социокультурное значение Черноморской кордонной линии в развитии Кубанского казачьего края, конец XVIII – вторая половина XIX век. Автореферат диссертации. Краснодар, 1998. URL: <http://cheloveknauka.com/sotsiokulturnoe-znachenie-chernomorskoj-kordonnoj-linii-v-razvitii-kubanskogo-kazachego-kraja-konets-viii-vtoraya-polovi>.

Lep'yavko, S. 2005. Ukrayins'ke kozaczto i teoriya Vely'kogo kordonu / Kozacz'ka spadshhy' na [Ukrainian Cossacks and the Great Border Theory]. *Kozatska spadshchina*, № 2, s. 49–65. (In Ukrainian).

Леп'явко, С. 2005. Українське козацтво і теорія Великого кордону *Козацька спадщина*, № 2, с. 49–65.

Markevich, A. I. 1893. Yuzhnaya Rus pri Yekaterine II. [Southern Rus under Catherine II.] Odessa, Tipografiya L. Kirkhner, 33 s. (In Russian).

Маркевич, А. И. 1893. Южная Русь при Екатерине II. Одесса, Типография Л. Кирхнер, 33 с.

Mizits, Yu. A. Kashchenko S. G. 2011. Problema formirovaniya russkogo frontira na yuge Rossii v XVI – pervoy polovine XVIII v. otechestvennoy istorigrafii [The problem of the formation of the Russian frontier in southern Russia in the 16th – first half of the 18th century in the national historiography]. *Vestnik Sankt-Petrburgskogo universiteta. ser. 2: Istoriya*, 2011, No. 1, s. 9–16. (In Russian).

Мизиц, Ю. А. Кашенко С. Г. 2011. Проблема формирования русского фронта на юге России в XVI – первой половине XVIII в. в отечественной историографии. *Вестник Санкт-Петербургского университета. Серия 2: История*, № 1, с. 9–16.

Papkov, A. I. 2017. «Frontir» ili «ukraina»: dva podkhoda k izucheniyu istorii rossiyskoy kolonizatsii Dnepro-Donskoy lesopstepi v XVI–XVII vv. [„Frontier“ or „Ukraine“: two approaches to studying the history of the Russian colonization of the Dnieper-Don forest steppe in the 16th–17th centuries] *Rus, Rossiya: Srednevekovye i Novoe vremya*, issue 5, s. 176–182. (In Russian).

Папков, А. И. 2017. «Фронтир» или «украина»: два подхода к изучению истории российской колонизации Днепро-Донской лесостепи в XVI–XVII вв. *Русь, Россия: Средневековье и Новое время*. Вып. 5, с. 176–182.

PSZRI. Polnoe sobranie zakonov Rossiyskoy imperii [Complete collection of laws of the Russian Empire], vol. XXIII. (In Russian).

ПСЗРИ – Полное собрание законов Российской империи, т. XXIII.

RGVIA – Rossiyskiy gosudarstvennyy voenno-istoricheskiy arkhiv [Russian State Military Historical Archive], f. 52, op. 1/194, d. 304, part 1. (In Russian).

РГВИА – Российский государственный военно-исторический архив, ф. 52, оп. 1/194, д. 304, ч. 1.

Rigelman, A. I. 1847. Letopisnoe povestvovanie o Maloy Rossii i ee narode i kazakakh voobshche [Annalistic narrative of Little Russia and its people and Cossacks in general], part IV. Moskva, Universitetskaya tip., 819 s. (In Russian).

Ригельман, А. И. 1847. Летописное повествование о Малой России и её народе и казаках вообще, ч. IV. Москва, Университетская тип., 819 с.

Shamanaev, A. V. 2014. Puteshestviya v Krym Yekateriny II i Aleksandra I i stanovlenie sistemy sokhraneniya istoricheskogo naslediya Severnogo Prichernomorya. [The Journey of Catherine II and Alexander I to the Crimea and the establishment of a system for preserving the historical heritage of the Northern Black Sea]. *Izvestiya Uralskogo federalnogo universiteta. ser. 2, Gumanitarnye nauki*, № 3 (130), s. 79–89. (In Russian).

Шаманаев, А. В. 2014. Путешествия в Крым Екатерины II и Александра I и становление системы сохранения исторического наследия Северного Причерноморья. *Известия Уральского федерального университета. Сер. 2, Гуманитарные науки*, № 3 (130), с. 79–89.

Shaw, D. J. B. 1983. Southern Frontier of Moscow 1550–1770. *Studies in Russian Historical Geography*. London, New York, 1983, vol. 1. s. 117–142.

Shcherbina, F. A. 1883. Kolonizatsiya Kubanskoj oblasti [Colonization of the Kuban region]. *Kievskaya starina*, vol. VII, s. 529–545. (In Russian).

Щербина, Ф. А. 1883. Колонизация Кубанской области. *Киевская старина*, т. VII, с. 529–545.

Shcherbina, F. A. 1884. Istoriya samoupravleniya u kubanskikh kazakov [The history of the self-government in the Kuban Cossacks]. *Kievskaya starina*. Kiev, Yanv, vol. VIII. s. 223–246. (In Russian).

Щербина, Ф. А. 1884. История самоуправления у кубанских казаков. *Киевская старина*. Киев, Янв, т. VIII, с. 223–246;

Shcherbina, F. A. 1888. Kratkiy istoricheskiy ocherk Kubanskogo kazachego voyska [A short historical outline of the Kuban Cossack Army]. *Kubanskoe kazache voysko 1696–1888 godakh*, Voronezh, 1888, s. 1–240. (In Russian).

Щербина, Ф. А. 1888. Краткий исторический очерк Кубанского казачьего войска. *Кубанское казачье войско 1696-1888 годах*. Воронеж, с. 55.

Shevchuk, V. P., Taranenko, M. G. 1999. Istoriya ukrayinskoyi derzhavnosti [History of the Ukrainian statehood]. Kyiv, Libid', 1999. 448 s. (In Ukrainian).

Шевчук, В. П., Тараненко, М. Г. 1999. Історія української державності. Київ, Либідь, 448 с.

Skalkovskiy, A. 1846. Istoriya Novoy Sechi ili poslednego kosha Zaporozhskogo [The story of Nova Sich, or the last Zaporozhian Kosh]. Odessa, 1846, vol. III, 386 s. (In Russian).

Скальковский, А. О. 1846. История Новой-Сечи, или Последнего Коша Запорожского. Одесса, т. III, 386 с.

Skalkovskiy, A. O. 1994. Istoriya Novoyi Sichi, abo ostann`ogo Kosha Zaporoz`kogo. Dnipropetrovsk, Sich, 660 s. (In Ukrainian).

Скальковский, А. О. 1994. Історія Нової Січі, або останнього Коша Запорозького [History of the New Sich, or the last Zaporozhian Kosh]. Дніпропетровськ, Січ, 660 с.

Sushchinskiy, B. 1998. Kozatski vozhdі Ukraїni. [The Cossack leaders of Ukraine]. Odesa, "Alfa – Omega". 685 s. (In Ukrainian).

Сушинский, Б. 1998. Козацькі вожді України. Одеса: "Альфа-Омега", 687 с.

Turner, F. 2009. Frontir v amerikanskoj istorii. [The Frontier in American History]. Moskva, Izdatelstvo Ves mir, 304 s. (In Russian).

Тёрнер, Ф. 2009. Фронтир в американской истории. Москва, Издательство "Весь мир", 304 с.

Vsepoddanneyshaya prosba 1882. Vsepoddanneyshaya prosba preobrazovannykh iz b. Zaporozhtsev chernomorskikh kozakov o poselenii ikh na Tamani. [The most complete request converted from b. Zaporozhets of the Black Sea Cossacks about their settlement on Taman]. *Kievskaya starina*, vol. III, s. 332–334. (In Russian).

Всеподданнейшая просьба преобразованных из б. Запорожцев черноморских козаков о поселении их на Тамани. *Киевская старина*, т. III, с. 332–334.

Zhukov, D. S., Kanishchev, V. V. Lyamin, S. K. 2015. Konkretno-istoricheskoe obosnovanie rascheta znacheniy upravlyayushchikh faktorov dinamiki yuzhnorusskogo frontira v XVII – seredine XIX v. [A concrete historical justification for calculating the values of the driving factors of the dynamics of the South Russian frontier in the 17th – mid 19th century]. *Vestnik Tambovskogo universiteta*. Ser. Gumaniternye nauki. Tambov, vol. 20, issue 10, s. 16–30. (In Russian).

Жуков, Д. С., Канищев, В. В. Лямин, С. К. 2015. Конкретно-историческое обоснование расчета значений управляющих факторов динамики южнорусского фронта в XVII – середине XIX в / Вестник Тамбовского университета. Сер.: Гуманитарные науки. Тамбов, т. 20, вып. 10, с. 16–30.

Zubkov, K. I. Frontir kak issledovatel'skaya paradigma [The Frontier as a research paradigm]. *Uralskiy Istoricheskiy Vestnik*, 2018, 4(61), s. 63–70. (In Russian).

Зубков, К. И. Фронтир как исследовательская парадигма. *Уральский Исторический Вестник*, 2018, 4(61), с. 63–70.

Статья поступила в редакцию 23.03.2020 г.